

Рассказывают, будто в битве при Фонтен-Франсаз²⁴ ему было несколько досадно видеть перед собою все того же Шатель-оз-Юрсена, впоследствии маркиза де Тривеля.

По натуре своей он был вороват и не мог не взять того, что попадалось ему под руку, но взятое возвращал. Он говаривал, что, не будь он Королем, его бы повесили.

Что до его внешности, представительностью он не отличался. Г-жа де Симье, которая привыкла видеть Генриха III, увидев Генриха IV, сказала: «Я видела Короля, но не видела Его Величества».

В Фонтенбло остался заметный след доброты этого Государя. В одном из садов можно увидеть дом, который как бы уходит в глубь сада и образует выступ. Частный владелец так и не пожелал продать этот дом Королю; в, хотя Король готов был дать за дом гораздо больше, чем он того стоил, принуждать владельца к продаже силою ему не хотелось.

Когда Король видел какой-нибудь обветшалый дом, он говорил: «Это, должно быть, принадлежит мне или церкви».

Маршал де Бирон младший

Этот Маршал был прирожденным воинком; участвуя еще совсем молодым в осаде Руана,¹ он по какому-то поводу сказал отцу, что, ежели бы ему дали небольшой отряд людей, которого он добивается, он взялся бы уничтожить большую часть вражеского войска. «Ты прав, — ответил ему маршал, его отец, — для меня это так же ясно, как и для тебя; но надо еще снискать себе уважение. На что мы будем годны, когда война кончится?».

Бирон младший был наг и почти не считался с людьми. Он говаривал, что все эти принцы — ..., годные лишь на то, чтобы их утопить, и что не будь его, Маршала, Королю бы не мяновать тернового венца. Маршал был падок на похвалы, Король же хвалил только самого себя, а потому никогда слова не сказал о храбрости де Бирона, что выводило последнего из терпения. Он, впрочем, всегда полагал, что его заслуги вознаграждены недостаточно. Мы читаем, однако, что Генрих IV, посылая маршала де Бирона к королеве Елизавете, называет его в письме к ней «самым смелым пособником своих побед», да и после смерти Маршала Король достаточно доказал, как он его ценил: когда мать покойного Принца² объявила, что желает отправиться в Брюссель ради Спинолы, прозванного ею фламандским Бироном, от которого она ждала столь же преданной любви, какой была любовь Бирона французского, Король не мог перенести подобного сравнения и сказал, что весьма неуважительно по отношению к Маршалу ставить его на одну доску с этим торговцем.

Бирон был отнюдь не невежда. Рассказывают, что Генрих IV, будучи во Френе, близ Мо, попросил объяснить ему греческий стих, который